

Эдвин Арнольд

Свет Азии

«Public Domain»

1879

Арнольд Э.

Свет Азии / Э. Арнольд — «Public Domain», 1879

«Эдвинъ Арнольдъ, въ своей поэме «Светъ Азии», переводъ которой мы предлагаемъ теперь вниманию читателя, даетъ описание жизни и характера основателя буддизма индийскаго царевича Сиддартхи и очеркъ его учения, излагая ихъ отъ имени предполагаемаго поклонника Будды, строго придерживающагося преданий, завещанныхъ предками. Легенды о Будде, въ той традиционной форме, которая сохраняется людьми древняго буддийскаго благочестия, и предания, содержащияся въ книгахъ буддийскаго священнаго писания, составляютъ такимъ образомъ ту основу, на которой построена поэма...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Предисловие к поэме	5
Книга первая	7
Книга вторая	13
Книга третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эдвин Арнольд

Свет Азии

Предисловие к поэме

Эдвин Арнольд, в своей поэме «Свет Азии», перевод которой мы предлагаем теперь вниманию читателя, дает описание жизни и характера основателя буддизма индийского царевича Сиддартхи и очерк его учения, излагая их от имени предполагаемого поклонника Будды, строго придерживающегося преданий, завещанных предками. Легенды о Будде, в той традиционной форме, которая сохраняется людьми древнего буддийского благочестия, и предания, содержащиеся в книгах буддийского священного писания, составляют таким образом ту основу, на которой построена поэма. Эти легенды и предания, помимо того значения, которое они имеют для буддийской религиозной системы, обладают сами по себе такими поэтическими достоинствами, что могут в чисто-литературном отношении привлекать к себе внимание и тех, которые нисколько не интересуются буддизмом и никогда не изучали его. Являясь же в такой блестящей обработке, какую придали им знаменитый английский поэт, они становятся замечательным литературным произведением, которое даже в переводе, лишенном всей прелести стихотворной формы, украшающей оригинал, будет вероятно приятно встречено всяким, не имевшим случая или возможности ознакомиться с подлинником.

Автор поэмы Эдвин Арнольд давно пользуется известностью в Англии и Америке, как искусный переводчик произведений восточных литератур. Его «*Lotus and Jewel*», «*With Sadi in the Garden*», «*The Song celestial*», «*The Secret of Death*», «*Indian Idylls*», «*Pearls of the Faith*» и другие сочинения пользуются большою популярностью. Что же касается поэмы «*The Light of Asia*», то она вышла уже более чем в пятидесяти изданиях и создала автору громкую славу не только повсюду, где читают по-английски, но еще и там, где чтут воспетого им Будду.

Король сиамский сделал автора кавалером ордена «Белого Слона», а цейлонское буддийское духовенство, в адресе, поднесенном ему, при посещении им о-ва Цейлона, воздало большие похвалы высоким достоинствам поэмы и признало ее вполне согласной с духом и буквою буддийского священного писания.

Такое признание значения поэмы в буддийском мире не должно быть нами упущено из виду главным образом потому, что оно как нельзя лучше подтверждает чисто-литературное достоинство произведения. Эдвин Арнольд для этого именно и вложил свою поэму в уста верующего буддиста, чтобы дать возможность верно уразуметь и правильно оценить буддийское мирозерцание. «Воспроизвести мысли буддистов с полною естественностью—говорит Э. Арнольд—возможно только, став на их же точку зрения». И в самом деле, в лице предполагаемого буддийского рапсода предстал перед нами правдивый поклонник Сакья-Муни и с полною простотою и безыскусственностью раскрыл перед нами свою взволнованную религиозным чувством душу. В этой простоте и безыскусственности, в этой искренности и теплоте индийского певца для нас открывается только сила таланта и высокое искусство автора, который, как то видно из обращения к нему цейлонского духовенства, «не пользовался ни благодатью религии Сакья-Муни, ни общением с его последователями», как может пожалуй, предположить тот, кто, прочитав поэму, примет плоды поэтического творчества за проявление наивной веры.

Особенности поэмы вполне объясняются таким образом занятою автором точкою зрения. Эпитеты, которые он прилагает к своему герою, именно и принадлежат к числу

украшающих имя Будды у его поклонников, и весь ряд развертываемых автором фантастических картинъ взять изъ подлинныхъ источниковъ буддийскаго вероучения. Сохранение буддийскаго духа въ блестящемъ пересказе легендъ высоко-талантливаго автора «Света Азии» и придаетъ поэме ту своеобразную прелесть, которая доставила ей столь громкую славу. У насъ, въ прежнее время, когда магометанину, напримеръ, влагали въ уста такія выражения, какъ «клянусь лжепророкомъ» и т. п., приемъ Эдвина Арнольда могъ бы, пожалуй, возбудить недоразумение; но въ наше время, думается мнѣ, стыдно было бы сознательно измышлять заведомо-известную намъ ложь, а выработавшееся умение различать литературныя достоинства произведения отъ такъ или иначе обусловленнаго его содержания едва-ли нуждается еще въ подкреплении какими бы то ни было разъяснениями.

Совсемъ иначе стоитъ вопросъ по отношению къ малоподготовленности некоторыхъ читателей для усвоения содержания поэмы, действие которой происходитъ въ Индіи чуть ли не за две съ половиною тысячи летъ тому назадъ. Имея въ виду необходимость оказанія помощи такому читателю, мы предпослали поэме переводъ двухъ главъ изъ книги Гюстава Ле-Бона «Цивилизация Индіи» (Gustav Le Bon, *Les civilisations de l'Inde*, Paris, 1887), въ которыхъ читатель найдетъ ответы на вопросы, могущіе возникнуть для него при чтеніи поэмы. Затемъ, некоторыя дополнителныя сведения отнесены нами въ подстрочныя примечанія и приложение.

Книга первая

Сказание о спасителе мира, о господе Будде, именовавшемся въ земной жизни княземъ Сиддартхоу; о томъ, кому ни на земле, ни на небе, ни въ аде нетъ подобнаго по достоинству, мудрости, благодати и милосердию; о томъ, кто научилъ Нирване и Закону.

Вотъ какъ некогда возродился онъ для человечества: подъ высшею сферою восседаютъ четыре владыки, правящие миромъ. Ниже, но все-же высоко, лежатъ области, где трижды десять тысячъ летъ святые духи ждутъ новаго возрождения. И господь Будда ждалъ въ этихъ же небесахъ, когда на благо намъ появились пять верныхъ предзнаменований его рождения. И боги узнали ихъ и сказали: «Будда нисходитъ вновь для спасения мира!» – «Да будетъ такъ! – сказалъ онъ, – я еще разъ сойду, когда настанетъ время, и принесу спасение миру». Рожденье и смерть окончатся для меня и для техъ, кто узнаетъ мой законъ. Я сойду къ Сакьямъ, на южный склонъ снежныхъ Гималаевъ, туда, где живетъ благочестивый иародъ и справедливый царь».

Въ эту ночь царица Майя, супруга царя Суддходаны, разделявшая ложе его, увидела дивный сонъ. Ей приснилась на небе звезда, блистающая шестью, въ розовомъ сиянии, лучами. На ту звезду указывалъ ей слонъ съ шестью клыками, белый какъ молоко. И та звезда, пролетевъ воздушное пространство, наполнивъ ее своимъ светомъ, проникла въ ея недра.

Пробудясь, царица почувствовала блаженство, неведомое земнымъ матерямъ. Кроткий светъ прогналъ съ половины земли ночной сумракъ; могучия горы затрепетали, волны стихли, цветы, открывающиеся лишь днемъ, зацвели, какъ въ полдень. До самыхъ глубокихъ пещеръ проникла радость царицы, какъ теплый солнечный лучъ, трепещущий въ золотистой тьме лесовъ, въ самыя глубины земли достигъ тихий шопотъ: «о вы, усопшие, ждущие новой жизни, вы, живущие, долженствующие умереть, возстаньте, внимайте и надейтесь: Будда родился!»

И отъ этихъ словъ повсюду распространился несказанный миръ, и сердце вселенной забилося, и чудно-прохладный ветеръ пролететь надъ землями и морями.

Когда на утро царица рассказала о своемъ видении, убеленные сединами снотолкователи объявили: – «Сонъ хорошъ: созвездие Рака теперь – въ соединении съ солнцемъ; царица на благо человечества родитъ сына, святого младенца удивительной мудрости: онъ или дастъ людямъ светъ знания, или будетъ править миромъ, если не презреть власть».

Такъ родился святой Будда.

Когда пришло ея время, Майя стояла въ полдень во дворе дворца, подъ пальзой – деревомъ съ могучимъ стволомъ, стройнымъ и высокимъ какъ колонна храма, съ кроной блестящихъ листьевъ и душистыхъ цветовъ. Дерево знало, что время пришло, – все в мире знало объ этомъ – и оно склонило свои ветви и осенило ими величие царицы Майи; земля внезапно породила тысячи цветовъ для мягкаго ложа, а соседняя скала брызнула струей прозрачной воды для омовения. И она безболезненно произвела на светъ сына, на которомъ видны были въ совершенстве все тридцать два знака святого рождения.

Великая вѣсть объ этомъ событiи достигла дворца.

Но когда явился раскрашенный паланкинъ для перенесения его въ домъ, носильщиками оказались четыре стража земли, сошедшие съ высотъ горы Сумеру – владыки, записывающие на желѣзные скрижали все деяния людей: духъ востока, чье воинство блещетъ серебряными плащами и жемчужными щитами; духъ юга съ своими кумбхандами, всадниками на синихъ коняхъ съ сафирными щитами; духъ запада со свитой наговъ, на багряныхъ коняхъ и съ коралловыми щитами; духъ севера, окруженный своими якшами, облеченными въ золото, на желтыхъ коняхъ и съ золотыми щитами.

Все эти могущественные боги сошли на землю и взялись за паланкинъ, принявъ образъ и одеяние простыхъ носильщиковъ. Въ этотъ день боги ходили среди людей, хотя люди не знали о томъ.

Небо было исполнено радостью, оно знало счастье земли, оно знало, что Будда возродился.

Но царь Суддходана не знал о томъ.

Предзнаменования тревожили его, пока снотолкователи не объяснили, что должен родиться земной властитель Чакравартинъ, могущественный властитель изъ техъ, что являются по одному въ тысячелетие. Семь даровъ получить онъ: чакраратну, божественный метательный дискъ; драгоценный камень; асваратну, гордаго коня, попирающаго облака; белоснежнаго слона, созданнаго носить царя; искуснаго государственнаго мужа; непобедимаго военачальника; наконецъ, истриратну, жену несравненной красоты, превосходную, утреннюю зарю. И когда царь узналъ про эти дары и увидель дивнаго младенца, повелель онъ устроить въ городе великое празднество. Все дороги были исправлены, улицы окроплены розовой водою, деревья украшены фонарями и флагами, для потехи народа созваны фокусники, фехтовальщики, колдуны, канатные плясуны, прачники, танцовщицы въ блестящихъ нарядахъ съ колокольчиками, звеневшими какъ веселый смехъ, вокруг их неутомимыхъ ногъ; потомъ маски въ оленьихъ и медвежьихъ шкурахъ, укротители тигровъ, борцы, ловцы перепеловъ, барабанщики, дудочники, по данному знаку возбуждающие зрителей къ веселью.

Много купцовъ собралось изъ дальнихъ странъ, и все принесли богатые дары на золотыхъ подносахъ: драгоценныя шали, благовонныя масла, нефритъ, сандалное дерево, небесно-голубую бирюзу, ткани, столь тонкия, что, сложенные въ 12 разъ, оне не закрывали лица отъ нескромныхъ взоровъ, одежды, вышитыя жемчугомъ. Подвластные города прислали царю дани, и все называли царевича Савартхасидъ («преуспевающий») или, кратко, Сиддартха.

Среди чужестранцевъ пришелъ святой седовласый старецъ, Асита, одинъ изъ техъ, чье ухо, давно закрытое для всего земнаго, внимало лишь небеснымъ звукамъ. Молясь однажды подъ деревомъ, онъ услышалъ песни боговъ, приветствовавшихъ рождение Будды. Долгая жизнь и подвиги воздержания умудрили его, видъ его внушалъ такое почтение, что когда онъ приблизился, царь приветствовалъ его, а царица Майя велела положить младенца къ святымъ ногамъ его. Но, увидя царевича старецъ воскликнулъ: – «Нетъ, не такъ, царица!» И восемь разъ преклонилъ онъ изможденное лицо свое до самой земли и сказалъ: – «Младенецъ, я поклоняюсь тебе! Ты – он! Я вижу розовый светъ, вижу знаки на ногахъ, вижу на мягкихъ его волосахъ завитокъ Свастики, вижу тридцать два главные священные знака и восемь меньшихъ. Да, ты – Будда. Ты возведишь законъ и принесешь спасение всемъ, которые познають этотъ законъ. Но я не услышу твоей проповеди, я, давно жаждавший смерти, скоро умру, но все-же я видель тебя! О царь! Узнай, это цветокъ на древе человечества, который въ мириады летъ расцветаетъ лишь одинъ разъ, но, расцвевъ, наполняетъ всю вселенную благоуханиемъ мудрости и сладкимъ медомъ любви. Отъ твоего царскаго корня возросъ небесный лотосъ! Благословенъ твой домъ! Но счастье его не полно! Изъ-за этого мальчика мечъ пронзитъ сердце твое. Ты, кроткая царица, ради рожденнаго тобою стала сокровищемъ для всехъ боговъ и людей, ты слишкомъ свята для новыхъ страданий, а жизнь есть страдание, и потому черезъ семь дней ты достигнешь безболезненнаго конца всехъ мукъ!»

Все сбылось, какъ сказалъ старецъ. На седьмой вечеръ царица Майя уснула съ улыбкою на устахъ и не проснулась больше: съ радостью переселилась она въ небо Трайя-стриншъ¹, где безчисленные боги поклоняются ей и окружаютъ своими заботами лучезарную мать.

Для ребенка же нашлась кормилица царевна Магапражапати. Молокомъ ея груди питался тотъ, чьи уста, чье слово служить утешениемъ мировъ.

Когда отрокъ достигъ восьми летъ, заботливый царь решилъ обучить его всему, что долженъ знать царский сынъ. Онъ все еще страшился сделанныхъ ему предсказаний о чудесахъ, о

¹ Небо Трайя-стриншъ или Трайя-стримсъ есть небо боговъ – Индры и др.

славе и страданияхъ, ожидающихъ Будду. Поэтому, собравъ вокругъ себя всехъ своихъ советниковъ, онъ ихъ спросилъ:

– Скажите, кто всехъ мудрее? Кто можетъ научить сына моего всему, что надлежитъ знать царевичу?

Каждый изъ нихъ сказалъ ему:

– Царь! Всехъ мудрее – Висвамитра. Онъ проникъ всехъ глубже въ тайны писания, онъ всехъ превосходитъ ученостью, знаниемъ ремеслъ, и всемъ прочимъ.

Висвамитра былъ призванъ и выслушалъ приказъ царя. И вотъ, въ благоприятный для начала учения день, взявъ царский сынъ доску изъ красного сандалнаго дерева, украшенную драгоценными камнями и усыпанную пылью наждака, взявъ ее, взявъ трость и сталь, скромно опустивъ глаза, предъ мудрецомъ.

И мудрецъ сказалъ ему:

– Дитя, напиши вотъ это!

И онъ медленно произнесъ: «Гайятри» – стихъ, который могутъ слышать одни лишь высшие по рождению.

– Ачарья, я пишу, кротко сказалъ царевичъ.

Быстро вывелъ онъ по пыли святой стихъ, изобразилъ не однимъ, а многими начертаниями священный стихъ: Нагри и Дакшинъ, Ни, Мангаль, Паруша, Ява, Тирти, Укъ, Дарадъ, Сикьяни, Мана, Мадыачаръ; начертилъ его и на языке образовъ, и на языке знаковъ, на языке пещерныхъ людей и приморскихъ жителей, на языке поклонниковъ живущихъ подъ землею змей и на языке поклонниковъ огня и поклонниковъ солнца, и на языке маговъ, и на языке горныхъ жителей. Все различныя письма различныхъ народовъ изобразилъ онъ своею тростью и прочелъ стихъ учителя на языкахъ всехъ народовъ. И сказалъ Висвамитра:

– Довольно, перейдемъ къ цифрамъ! Повторяй за мной, считай такъ, какъ я буду считать, пока дойдемъ до Лакхъ²: одинъ, два, три, четыре, затемъ десятки, и сотни, и тысячи.

И вследъ за нимъ назвалъ отрокъ единицы, десятки, сотни и не остановился на кругломъ лакхе; нетъ, онъ шепталъ дальше, до техъ чиселъ, которыми можно счесть все, начиная отъ зеренъ на поле и до самой мелкой песчинки.

Потомъ онъ перешелъ къ катхе, къ счету звездъ ночныхъ, къ кати-катхе, счету морскихъ капель, и далее къ, счету песчинокъ Ганга и къ счету, единицами котораго изображается весь песокъ десяти лакхъ Ганга. Затемъ пошли еще более громадныя числа: сумма всехъ дождевыхъ капель, которыя, при ежедневномъ дожде, упадутъ на всю вселенную въ течение десяти тысячъ летъ, и, наконецъ, число, при помощи котораго боги вычисляютъ свое прошедшее и будущее.

– Хорошо, – сказала мудрецъ, – если ты, благороднейший царевичъ, знаешь все это, то не научить ли мне тебя измерению длины?

– О, Ачарья! Будь милостивъ, смиренно отвечалъ отрокъ, – выслушай меня: десять параманусовъ составляютъ парасукшну, десять же парасукшнъ образуютъ трасарену, а десять трасаренъ – одну пылинку, играющую въ луче солнца; семь пылинокъ равняются кончику усика мыши; десять кончиковъ усика мыши образуютъ ликью, десять же ликий – юку, а десять юкъ равняются сердцевине ячменнаго зерна, что семь разъ уложится въ перехвате туловища осы; затемъ идетъ зерно манги, затемъ зерно горчицы и далее зерно ячменя; десять зеренъ ячменя равняются суставу пальца; двенадцать суставовъ составляютъ пядень; затемъ идетъ локоть, жезлъ, длина лука, длина копья; длина лука, взятая двадцать разъ, называется «вздохомъ» и показываетъ пространство, какое можетъ пройти человек, набравъ воздухъ въ легкия и ни разу не выдохнувъ его; сорокъ вздоховъ составляютъ округъ; четыре округа равняются иожане. И,

² Лакха значить сто тысячъ.

о учитель, если желаешь, я пересчитаю, сколько атомовъ можетъ уместиться въ иожане отъ одного ея конца до другого?

И затемъ, молодой царевичъ, ни мало не колеблясь, правильно определилъ сумму всехъ этихъ атомовъ. Но Висвамित्रа ужъ слушалъ, преклонивъ голову передъ отрокомъ.

– Ты, – вскричалъ онъ, – долженъ быть учителемъ своихъ учителей! Не я гуру³, а ты! Я преклоняюсь предъ тобой, о царевичъ! Ты захотелъ учиться у меня только для проявленія присущаго тебе познания, не нуждающагося въ помощи книгъ и совмещающагося съ почтительнымъ отношениемъ къ старейшимъ!

И въ самомъ деле, господь Будда выказывалъ почтение къ своимъ учителямъ, хотя превосходилъ мудростью всехъ ихъ. Речи его были смиренны и притомъ всегда разумны; видъ величественъ, хотя и кротокъ. Скромный, терпеливый, добродушный, онъ въ то же время не зналъ страха. Смелее всехъ своихъ товарищей мчался онъ на коне за робкими газелями; всехъ быстрее несся онъ въ своей колеснице по дворамъ дворца. Но среди веселой охоты юноша часто останавливался и давалъ возможность травимому зверю скрыться; на скачке онъ, почти выигравъ призъ, вдругъ задерживалъ коня, если замечалъ, что усталость животного была чрезмерна, или что проигрышъ можетъ огорчить соперниковъ, или если случалось, что какая – нибудь новая мысль внезапно овладевала его умомъ. Съ годами сострадание все более и более росло въ душе господя нашего: такъ изъ двухъ мягкихъ листковъ вырастаетъ большое дерево, широко распространяющее свою тень. А между темъ царский сынъ зналъ только по имени печаль, горе, слезы, – все что цари никогда не испытываютъ и никогда не могутъ испытать.

Но вотъ въ одинъ весенний день надъ царскимъ садомъ пролетала стая белыхъ лебедей, направляясь къ северу, къ Гималайямъ, чтобы тамъ свить себе гнѣзда. Прекрасныя птицы сзывали другъ друга песнями любви, и вся белая стая неслась къ снежнымъ вершинамъ, куда влекла ее любовь. Двоюродный братъ царевича, Девадатта, натянулъ лукъ и пустилъ стрелу, которая попала прямо подъ могучее крыло лебедя, летевшаго впереди стаи, широко расправивъ крылья въ голубомъ просторе небесъ. Онъ упалъ, и ярко-красныя капли крови обагрили белыя перья на томъ месте, куда попала злая стрела. Увидевъ это, царевичъ Сиддартха осторожно взялъ птицу и положилъ ее себе на колени: онъ сиделъ въ это время на скрещенныхъ ногахъ, какъ сидитъ обыкновенно господь Будда. Ласками прогналъ онъ страхъ прекрасной птицы, привелъ въ порядокъ смятыя перья ея, успокоилъ трепетавшее сердце, тихо гладилъ ее ладонью, нежной, какъ еле распустившійся листокъ райской смоковницы. Левая рука его держала лебедя, а правою онъ вытаскилъ смертоносную сталь изъ раны и положилъ на нее свежихъ листьевъ и целебнаго меду. Чувство боли было до техъ поръ еще такъ неизвестно мальчику, что онъ изъ любопытства вонзилъ себе въ руку острие стрелы; уколъ заставилъ его содрогнуться, и онъ, со слезами на глазахъ, сталъ снова ухаживать за птицей.

Но вотъ подошелъ слуга и сказалъ:

– Мой князь убилъ лебедя, который упалъ среди этихъ розовыхъ кустовъ. Онъ велелъ мне просить тебя прислать ему птицу. Пришлешь ли ты ее?

– Нѣтъ, отвечалъ Сиддартха, – если бы птица была мертва, ее следовало бы отослать тому, кто убилъ ее. Но лебедь живъ. Мой братъ убилъ только божественную силу, действовавшую въ беломъ крыле.

Въ ответъ на это Девадатта сказалъ:

– Дикая птица, живая или мертвая, принадлежитъ тому, кто ее подстрелилъ. Пока она летала въ облакахъ, она никому не принадлежала, разъ она упала – она моя. Милый братъ, отдай мне мою добычу!

Сиддартха прижалъ шею лебедя къ своей нежной щеке и торжественно произнесъ:

³ Гуру – учитель.

– Нет! Я говорю – нет! Птица мне принадлежит! Она первая из мириады существ, которые будут моими по праву милосердия, по праву любви! По тем чувствам, которые волнуют меня теперь, я знаю, что я буду учить людей состраданию, я буду предстателем всего безгласного мира, я остановлю поток страдания не для одних только людей. Но если ты, князь, не согласен со мною, отдадим наш спор на решение мудрецов и подождем их приговора!

Так и было сделано. Полное собрание совета обсуждало их спор: – один высказывал одно мнение, другой – другое; наконец, поднялся никому неизвестный священнослужитель и произнес:

– Если жизнь имеет цену, то живое существо должно бы принадлежать тому, кто спас его жизнь, а не тому, кто намеревался убить его; убийца губит и уничтожает жизнь, милосердный поддерживает и охраняет ее. Отдайте же ему птицу!

И все нашли этот приговор справедливым.

Но когда царь стал искать мудреца, чтобы поклониться ему – он исчез: кто-то видел только, как змея выскользнула из комнаты.

Боги часто являются таким образом среди людей.

Так господь Будда положил начало своим делам милосердия.

До этой минуты царевич видел страдание только один раз: страдание подстреленной птицы, которая, впрочем, скоро выздоровела и весело вернулась к родной стае.

Но вот однажды царь сказал ему:

– Пойдем, мой дорогой сын, полюбуемся красотой весны, посмотри на усердие, которое прилагают люди к обработке плодородной земли для того, чтобы она поделилась с пахарем своими дарами; посмотри на мои поля, – они будут твоими, когда для меня запылает костер – как они дают всякому пищу и наполняют житницы царя. Весна хороша своими свежими листьями, зеленою травой, яркими цветами, песнями этой рабочей поры.

И они отправились туда, где зеленели сады и шумели ручьи, туда же тучную почву вспахивали тяжелые плуги, запряженные быками, на могучих плечах которых скрипели ярма. Плодородная красная глина приподнималась и падала длинными, мягкими волнами вокруг плуга, тогда-как работник ставил на него обе ноги, стараясь провести борозду сколь возможно глубже. А из-за пальм слышалось журчанье воды в роднике, и всюду, где протекал ручей, благодарная земля окаймляла его берега благоуханными цветами и стройными стеблями душистого тростника. Дальше виднелись сеятели, вышедшие сеять. В чаще весело щебетали птицы, сплетавшие себе гнезда. Рожи кишели мелкими животными – ящерицами, пчелами, жуками, пресмыкающимися, и все они наслаждались весной. Колибри блистали среди ветвей манго, пестрый рыболов носился над прудом, белая цапля гордо шагала по лугу, ястребы кружились в воздухе, павлины летали вокруг расписанного храма, сизые голуби ворковали на берегу ручья, а из отдаленной деревни барабанный бой сзывал народ на свадебный пир.

Все говорило о мире и довольстве, царевич видел это и был доволен.

Но вот, присмотревшись ближе, он заметил шипы на розах жизни. Он заметил, как загорелый крестьянин обливается потом, чтобы заработать плату, как он изнемогает, чтобы купить себе право жить, как, он в знойные полуденные часы погоняет быков и колотит их палкою по бархатистым бедрам; он заметил, что ящерица есть муравьев, а змея – ящерицу, что змеи и ящерицы, в свою очередь, служат пищею коршуну; что рыболов отнимает добычу у зимородка, что балабан гонится за соловьем, а соловей – за пестрокрылыми бабочками; что всюду всякий убивает убийцу и сам становится жертвой убийцы; что жизнь питается смертью.

Подъ красивою внешностью скрывается всеобщий свирепый, мрачный заговор взаимного убийства, все им охвачено от червя до человека, который убивает себе подобных.

Когда онъ увидель все это: и голоднаго пахаря, и усталаго быка съ шеей, истертой ярмомъ, и общую жажду жизни, вынуждающую все живое къ дикой борьбе, тогда вздохнулъ онъ глубоко. – Неужели это, – сказалъ онъ, – та счастливая земля, которую вы хотели мне показать? Какимъ тяжелымъ потомъ омоченъ хлебъ земледельца! Какъ утомительна работа вола! Какую ожесточенную войну ведетъ въ лесу и сильный и слабый! Сколько битвъ происходитъ и въ воздухе! Даже вода не можетъ служить убежищемъ! Отойдите отъ меня на время, дайте мне обдумать все то, что я теперь узнал!

Сказавъ это, селъ милостивый господь, Будда подъ деревомъ Джамбу, селъ, скрестивъ ноги такъ, какъ его обыкновенно изображаютъ на священныхъ статуяхъ, и началъ въ первый разъ размышлять о страданияхъ жизни, объ ихъ источникахъ и о средствахъ помочь имъ. Сердце его наполнилось столь великимъ состраданиемъ, столь широкою любовью ко всему живущему, столь страстнымъ желаниемъ облегчить общую скорбь, что силой этой любви, этого желанія духъ его перешель въ состояние экстаза, и юноша очистился отъ всякаго смертнаго ощущения и сознания и достигъ, такимъ образомъ, «дьяны», первой ступени на пути спасения.

Въ этотъ часъ пролетали пять священныхъ духовъ (риши); крылья ихъ затрепетали, когда они приблизились къ дереву.

– Какая высшая сила заставляетъ насъ уклоняться съ пути? – вопрошали они другъ друга.

Духи чувствуютъ силу боговъ и святое присутствие чистыхъ. И, взглянувъ внизъ, увидели они Будду, увенчаннаго сияниемъ розовыхъ лучей и погруженнаго въ мысль о спасении мира. И услышали они голосъ бога, хранителя леса:

– Риши, это спаситель мира! Спуститесь на землю и поклонитесь ему! И лучезарные спустились, сложили крылья а пропели ему хвалебную песнь. Затемъ они снова поднялись и понесли богамъ благую вѣсть.

Царь послалъ слугу искать царевича, и он нашель его по-прежнему погруженнаго въ размышление, хотя полдень уже прошель и солнце быстро склонялось за горы запада.

Все тени передвинулись, но тень древа Джамбу оставалась недвижной и осеняла его, не давая косымъ лучамъ солнца коснуться священной главы.

И слуга, видевший это, услышалъ изъ розоваго куста:

– Не троньте царевича! Пока тень печали не оставитъ сердца его, моя тень не двинется съ места!

Книга вторая

Когда господь наш достиг восемнадцати лет, царь приказал построить для него три великолепных дома; один теплый, для зимы, быть сложен из правильно отесанных бревен и обшит кедром; другой прохладный, для летних жаров, быть весь из мрамора, и третий из кирпича, выложенный синими черепицами, предназначался для весны. Дворцы эти назывались: Субха, Сурамма и Рамма.

Вокруг них цвели прелестные сады, журчали быстрые потоки, раскидывались благоухающие рощи с изящными беседками и красивыми полянами. Там мог нагуляться Сиддартха вволю и каждый час мог он встречать новые для него удовольствия. Много провел он там счастливых дней юности, – поры, когда молодая кровь быстро струится по жилам, но тень раздумья не покидала его, подобно туче, омрачающей серебристую гладь озера.

Царь, заметив это, созвал своих министров:

– Вспомните, – сказал он, – что говорил старый риши, а также и то, что предсказали ранее снотолкователи: этот юноша, более дорогой для меня, чем кровь моего сердца, будет великим государем, он сокрушит всех врагов, он будет царем над царями! Эти слова запечатлелись в сердце моем! Или, может быть, он изберет печальный и смиренный путь самоотречения и благочестивых страданий, станет стремиться к неизвестному благу, потеряв все, что стоит хранить. К этому пути обращает он жадные взоры среди великолепий моих дворцов... Вы мудры, посоветуйте мне, как удержать его на той гордой стезе, по которой он должен идти, чтобы исполнить все предзнаменования, обещавшие ему власть над миром, если он не презрит власть. Старейший из министров произнес:

– Великий государь! Любовь исцелит этот легкий недуг. Надобно, чтобы чары женщины пленили сердце царевича. Благородный юноша еще не знает, что такое красота, что такое глаза, заставляющие нас забывать небо, что такое поцелуй благоуханных уст. Окружи его очаровательными женщинами, прелестными участницами игр! Мысль, которую не сковать железными цепями, легко можно связать женским волосом!

Все советники одобрили это мнение, но царь сказал:

– Мы можем отыскать для него женщин, но, ведь, любовь выбирает не чужими глазами. Мы окружим его цветником красавиц, чтобы он мог сорвать любой цветок, а он улыбнется и отвернется от неизведанного им наслаждения.

Тогда проговорил другой:

– Колеблется стрелок, прежде чем спустить нацеленную стрелу. Царевича, как и менее высоких существ, очарует одна женщина, одно лицо блеснет ему райской красотой, один образ представится ему прелестнее утренней зари, пробуждающей мир. Сделай, как я скажу тебе, государь! Устрой праздник, и пусть на нем все молодые девушки твоего царства состязаются в красоте и телесных упражнениях, обычных в земле Сакьев. Пусть царевич раздает награды красавицам, и когда прелестная победительница будет проходить мимо него, мы заметим, которая из них прогонит облако печали с нежного чела его. Таким образом предмет любви будет избран глазами любви, и мы заманим царевича в сети счастья.

Совет был принят. Назначили день и разослали глашатаев сзывать всех молодых, красивых девушек во дворец на состязание. Царевич должен был оделять их дорогими подарками, но самый дорогой отдать победительнице. На этот призыв девушки Капилавасту толпами направились к воротам дворца. Все они гладко причесали и перевязали свои черные волосы, подкрасили сурьмой ресницы, омылись свежей водой, облились благовониями. Все

оне надели самые нарядные платья и шали, разрисовали пурпуром нежные руки и ноги, и ярко подкрасили знаки, отмечавшие их лбы⁴.

Чудное зрелище представляли эти молодые индианки, проходившие мимо трона с опущенными в землю черными глазами. Когда они увидели царевича, трепетавшие сердца их забились благоговением не к его высокому сану, а к тому безстрастному спокойствию, которое возвышало его над всеми ими. Они принимали дары с опущенными ресницами, не осмеливаясь поднять на него глаз. Когда народ приветствовал красавицу, более других достойную царской улыбки, она, робкая как антилопа, едва касалась его милостивой руки и спешила скрыться в толпе подруг, страшась заслужить предпочтение того, кто казался слишком божественным и высоким, слишком святым, слишком возвышенным над ее миром. Так проходили, одна за другой, вереницы прелестных девушек, лучших цветов города. Уже прошли последние, все подарки были розданы, когда позади всех явилась молодая Ясодхара. Придворные, стоявшие около Сиддартхи, заметили, что царевич вздрогнул при приближении лучезарной красавицы. Стань богини, походка Парвати, глаза – что глаза лани в весеннюю пору, лице, очарование которого не изобразить словами – она одна посмотрела прямо в глаза юноше, она стояла пред ним, скрестив руки на груди, не склоняя гордой головы.

– Найдется ли подарок и для меня? – спросила она и улыбнулась.

– Я роздал все подарки, – отвечал царевич, – но взамен их, любезная сестра, чьей красой гордится наш город, возьми вот это!

И он снял с шеи изумрудное ожерелье и обвил зеленой цепью ее смуглый стан; глаза их встретились и пламя любви вспыхнуло в их сердцах.

Много лет спустя, во время полного просветления, ученики спросили господу Будду, почему, при первом же взгляде на девушку из рода Сакьев, так загорелось сердце его, и он отвечал:

– Мы не были так чужды друг другу, как это казалось и нам самим, и всем посторонним. В давнопрошедшие века, сын одного охотника играл с лесными девами у истоков Ямуны, там, где стоит Нандадеви; они бегали взапуски среди елей, словно зайцы на вечерней заре, а он был у них судьей, – одной он дал венок из астр, другой – из длинных перьев фазана, третьей – из еловых шишек. Но та, которая прибежала последней, казалась ему первой. Ей подарил юноша ягненка ручной козули и свою любовь. Много счастливых лет прожили они в лесу, в лесу же пришла к ним и смерть, и даже она не разлучила их. Знайте, как после бездождья прорастает семя, много лет лежавшее скрытым в земле, так добро и зло, горе и радость, ненависть и любовь, все давно прошедшие дела возрождаются вновь, принося светлые или темные листья, сладкие или горькие плоды. Сын охотника – то был я, дева лесов – она. Колесо рождения и смерти свершило свой оборот и то, что было когда-то, должно снова повториться!

Но те, которые наблюдали за царевичем во время раздачи подарков, видели и слышали все, и обо всем донесли царю; они рассказали, как рассеянно сидеть Сиддартха, пока не явилась дочь Супрабудды, Ясодхара; как при первом взгляде на нее он изменился; как они смотрели друг на друга; как он отдал ей драгоценное ожерелье и как красноречивы были их взоры. Добрый царь улыбнулся.

– Мы нашли приманку, – сказал он, – подумаем теперь, как нам заставить сокола спуститься ради нея с облаков. Надо послать послов просить для моего сына руки этой девушки.

⁴ В Индии по настоящее время принадлежность к той или другой секте, обозначается условным знаком, нарисованным на лбу.

Но, по обычаю Сакьевъ, юноша, сватаясь за красивую, достойную любви, девушку изъ благороднаго дома, долженъ былъ прежде всего вступить въ состязание со всеми ея прочими женихами. Отъ этого обычая не могли отступать сами цари. И потому отецъ девушки сказалъ:

– Доложите царю: за мою дочь сватается много князей изъ ближнихъ и дальнихъ стран; если сынъ твой сумеетъ лучше ихъ натягивать лукъ, владеть мечемъ и скакать на коне; если ему удастся превзойти всехъ ихъ во всемъ, тогда и для насъ онъ будетъ всехъ приятнее. Но какъ это можетъ быть, если онъ ведетъ жизнь отшельническую?

Опечалилось сердце царя: напрасно было сыну его свататься за прелестную Ясодхару, не могъ онъ состязаться съ Девадаттой – первымъ стрелкомъ, съ Арджуной, укротителемъ самыхъ свирепыхъ коней, съ Нандой, владеющимъ мечемъ какъ никто.

Но царевичъ тихо улыбнулся и молвилъ: – Всему этому и я учился; возвести, что сынъ твой готовъ состязаться со всякимъ, кто пожелаетъ! Надеюсь, что я не потеряю мою возлюбленную въ этой борьбе!

Тогда царь велелъ возвестить, что на седьмой день царевичъ Сиддартха приглашаетъ всякаго, кто желаетъ, состязаться съ нимъ во всехъ воинскихъ упражненьяхъ; Ясодхара будетъ наградой победителя.

Въ седьмой день все благородные Сакьи изъ городовъ и сель собрались на майданъ.

Ясодхара прибыла туда же со своими родными; ее везли, какъ невесту, съ музыкой, въ пестро-украшенномъ паланкине, запряженномъ золоторогими быками, убранными цветами.

Женихами ея объявились Девадатта, юноша царской крови, Нанда и Арджуна, оба благороднаго происхождения – цветъ молодежи.

Царевичъ подъехал на своемъ беломъ коне, Кантаке, и конь заржалъ при виде такого множества чужихъ, незнакомыхъ людей. Сиддартха также смотрелъ съ изумлениемъ на весь этотъ народъ, стоявший по рождению гораздо ниже трона, жившій и питавшійся иначе, чѣмъ царь, и въ то-же время испытывавшій, быть можетъ, одинаковыя съ царемъ радости и страдания. Но когда царевичъ увидѣлъ прелестную Ясодхару, светлая улыбка осенила лице его, онъ придержалъ шелковые поводья, спустился с широкой спины Кантаки на землю и вскричалъ:

– Тотъ не достоинъ этой жемчужины, кто не превзойдетъ всехъ! Пусть мои соперники покажутъ, не былъ ли я слишкомъ дерзокъ, притязая на ея руку!

Тогда Нанда предложилъ состязание въ стрельбе изъ лука; онъ далеко поставилъ свой медный барабанъ, Арджуна сделалъ тоже, а Девадатта поставилъ свой еще дальше, царевичъ же Сиддартха попросилъ поставить свой барабанъ такъ далеко, что онъ казался не больше раковины. И они спустили стрелы: Нанда прострелилъ свой барабанъ, а Арджуна – свой, а Девадатта метко-пущенной стрелой попалъ въ оба значка своей мишени, такъ что все присутствовавшие приветствовали его криками восторга, а прелестная Ясодхара опустила золотое покрывало на испуганные глаза, чтобы не видѣть, какъ промахнется царевичъ, а онъ, онъ схватилъ лукъ изъ лакированнаго камыша, съ тетивой изъ сухожилий, скрепленныхъ серебряной проволокой, тотъ лукъ, что могли согнуть лишь руки силача, иовертель его, тихо улыбаясь, и натянулъ тетиву такъ, что оба конца – сошлись и толстое древко лопнуло.

– Это игрушка, не съ этимъ бороться за любовь! – сказалъ онъ. – Нетъ ли у кого лука более пригоднаго для благородныхъ Сакьевъ?

– Въ храмѣ съ давнихъ поръ хранится лукъ Синхахуну, – отвечали ему, – никто не могъ до сихъ поръ натянуть его, или, натянувъ, спустить!

– Принесите мне, – вскричалъ онъ, – это оружие, достойное воина!

Ему принесли древний лукъ, кованный изъ блестящей стали, съ золотой оправой по обоимъ концамъ, согнутымъ на подобие роговъ буйвола. Дважды попробовалъ Сиддартха крепость его на своемъ колѣне и затѣмъ сказалъ:

– Пустите-ка стрелу изъ этого лука, братцы! Но ни одинъ изъ нихъ не могъ согнуть ни на палецъ упрямый лукъ. Тогда, слегка нагнувшись, царевичъ согнулъ лукъ безъ усилія вложилъ

крюкъ въ зарубку и такъ сильно натянулъ тетиву, что она, подобно крылу орла, разсекающаго воздухъ, издала громкий, чистый звукъ.

– Что это такое? Что за звукъ? – спрашивали немощные, оставшиеся въ этотъ день дома.

– Это звукъ лука Синхахону, – отвечали имъ, – царевичъ натянулъ его и готовится выстрелить.

Онъ выбралъ крепкую стрелу, прицелился и спустилъ ее. Меткая стрела взвилась къ небу, пронизала барабанъ, стоявшій далее всехъ, но не остановилась въ своемъ полете, а пронеслась дальше по равнинам и скрылась изъ глазъ.

После этого Девадатта предложилъ состязание на мечехъ; онъ разсекъ пальмовое дерево въ шесть пальцевъ толщины, Арджуна – въ семь, а Нанда – въ девять; рядомъ стояло дерево съ двумя сросшимися стволами, мечъ Сиддхартхи разсекъ его однимъ молниеноснымъ ударомъ, ударомъ такимъ меткимъ и ловкимъ, что подрубленные стволы продолжали стоять неподвижно, и Нанда вскричалъ: «онъ промахнулся!» И Ясодхара снова задрожала при виде прямо стоявшихъ деревьевъ. Но вотъ боги воздуха, наблюдавшие за всемъ, подули легкимъ южнымъ ветеркомъ, и обе зеленыя вершины, метко-разсеченныя, упали на песокъ.

После этого привели коней, породистыхъ, ретивыхъ, и три раза объехали соперники кругомъ майдана, перегоняя другъ друга, но белый Кантака оставлялъ далеко за собою самыхъ лучшихъ скакуновъ, онъ несся такъ быстро, что пока клокъ пены долеталъ изъ его рта до земли, онъ пробегалъ уже расстояние, равное длине двадцати копий. Но тутъ Нанда сказалъ:

– Съ такимъ конемъ, какъ Кантака, каждый изъ насъ обгонитъ всехъ, приведите необъезжаннаго коня, и посмотримъ, кто лучше укротитъ его!

Слуги привели чернаго, какъ ночь, жеребца, Его держали на трехъ цепяхъ, глаза его пылали, ноздри раздувались, грива развивалась по ветру. На немъ не было ни подковъ, ни седла, до сихъ поръ никто не садился на него. По три раза пытался каждый молодой Сакья вскочить на его могучую спину, но, конь приходилъ въ ярость и каждый разъ сбрасывалъ пристыженнаго ездока на песокъ. Одному только Арджуне удалось удержаться несколько минутъ, онъ велелъ снять цепи, ударилъ кнутомъ по чернымъ бедрамъ, схватилъ умелой рукой узду и такъ крепко притянулъ челюсти коня, что дикое животное, вне себя отъ злобы и страха, обежало одинъ разъ вокругъ ристалища, но вдругъ оно обернулось съ оскаленными зубами, схватило Арджуину за ногу, стащило на землю и, наверное, растоптало бы до смерти, если бы подоспевшимъ слугамъ не удалось снова накинуть на него цепи. Тогда народъ закричалъ:

– Не давайте Сиддартхе касаться этого злого духа, въ его печени – буря, его кровь – красное пламя!

Но царевичъ сказалъ:

– Отпустите цепи, дайте мне взять его чолку! Онъ взялъ коня за чолку, спокойно подержалъ его, шепнулъ ему какое-то слово, положилъ ладонь на глаза его, тихо погладилъ его по свирепой морде, по шее, по вздымавшимся бедрамъ, на диво всемъ, черный конь склонилъ гордую голову и стоялъ кротко, покорно, какъ бы признавъ владыку и преклоняясь предъ нимъ. Онъ не шевельнулся, пока Сиддартха садился на него, а потомъ пошелъ ровнымъ шагомъ, повинувся узде и движению ноги, так-что все присутствовавшие закричали:

– Кончено состязание! Сиддартха всехъ достойнее!

И все женихи согласились: «онъ всехъ достойнее!» А Супрабудда, отецъ девушки, сказалъ:

– Въ глубине сердца мы всегда считали тебя достойнейшимъ, потому-что для насъ ты былъ всехъ милее. Какимъ-то волшебствомъ ты среди розъ твоихъ садовъ, среди твоихъ мечтаний приобрелъ ловкость воина въ большей степени, чемъ другие на войне, на охоте, въ ручныхъ работахъ! Бери же, прекрасный царевичъ, сокровище, которое ты приобрелъ какъ награду!

По его слову встала красавица индианка съ своего места, взяла венокъ изъ цветовъ могры, опустила черно-золотое покрывало на лобъ и, гордо пройдя мимо всехъ юношей, приблизи-

лась къ Сиддартхе, божественная краса котораго, какъ будто, приобрела теперь новый блескъ отъ близости чернаго коня, покорно склонявшаго гордую шею подъ его рукою. Она смиренно поклонилась царевичу и открыла передъ нимъ лицо свое, сиявшее радостною любовью; на шею его надела она свой душистый венокъ, на грудь его склонила свою прелестную головку и, опустясь къ ногамъ его, произнесла съ горделивою радостью:

– Возьми меня, царевичъ, я твоя!

И весь народъ ликовалъ, когда они пошли вместе, рука объ руку, съ сердцами, бьющимися взаимною любовью. Черно-золотое покрывало ея было вновь опущено на лицо.

Значительное время миновало, настало просветление, ученики Будды стали спрашивать его обо всемъ и, между прочимъ, почему у нея было это черно-золотое покрывало и почему шла она такою гордою поступью. Всепочитаемый отвечалъ имъ:

– Мне это было неизвестно, хотя казалось наполовину известнымъ: колесо рождения и смерти обращается, и вместе съ темъ возвращаются давно прошедшия события и мысли, возрождаются давно погребенныя жизни. Я вспоминаю теперь, что мириады летъ тому назадъ, я, въ виде тигра, рыскалъ по лесамъ Гималайскихъ горъ вместе съ подобными мне голодными полосатыми зверями. Я, Будда, я прятался въ траве и блестящими глазами следилъ за стадами, которыя паслись около моего убежища и приближались ко мне, не чуя смерти, а ночью, при звездахъ, я рыскалъ за добычей дикий, ненасытный, вынюхивая следы людей и зверей. Среди животныхъ, съ которыми я сходилъ въ то время, я встретилъ где-то въ глубокомъ болоте или въ густомъ тростнике тигрицу, самую красивую изъ всехъ самокъ, изъ-за которыхъ бьются самцы. У нея была черная шкура, съ золотыми полосами, какъ то покрывало, которое Ясодхара надела для меня. У насъ въ лесу велись ожесточенныя битвы зубами и когтями, а гордая тигрица лежала и смотрела, какъ мы терзали другъ-друга изъ-за обладания ею. И я помню, какъ, наконецъ, она, мурлыча, прошла мимо царей леса, побежденных мною, ласково облизала мои вздымавшиеся от усталости бедра и гордо последовала за мною в чашу предаться утехамъ любви. Колесо рождения и смерти вечно обращается сверху внизъ, снизу вверхъ!

Итакъ, царевичъ получилъ девушку, добровольную награду за победу; и когда созвездия оказались благоприятными, когда Меша – Красный Олень – владычествовалъ надъ небомъ, отпраздновали брачный пиръ, по обычаю Сакьевъ. Поставили золотой тронъ, разостлали коверъ, развесили брачные венки, перевязали молодымъ руки, разломали сладкий пирогъ, разсыпали рисъ, разлили розовое масло, спустили на подкрашенное молоко две соломинки, которыя, сойдясь вместе, означаютъ «любовь до смерти»; сделали три раза по семи шаговъ вокругъ огня, раздали дары святымъ мужамъ, оделили нищихъ, принесли жертвы в храме, пропели мантры⁵; связали вместе одежды жениха и невесты. Тогда седовласый отецъ невесты сказалъ: – «Многочтимый царевичъ! Та, что до сихъ поръ была нашею, стала твоею; будь добръ къ ней, вся ея жизнь въ тебе!» – После этого привели съ пениемъ и музыкой прелестную Ясодхару въ объятия царевича и везде во всемъ царствовала любовь.

Но царь рассчитывалъ не на одну только любовь.

Онъ велелъ соорудить для нея великолепную темницу, увеселительный дворецъ царевича Витрамванъ – чудо, подобнаго которому не было на земле. Среди обширныхъ парковъ дворца возвышался зеленый холмъ, подножие котораго омывалъ потокъ Рохини, бегущий со склоновъ Гималайевъ и несущий, свою дань въ воды Ганга. На юге рощи тамариндовъ и гряды густо разросшихся небесно-голубыхъ цветовъ отделяли эту местность отъ всего остального мира, такъ – что городской шумъ долеталъ туда, какъ легкое жужжание пчелъ въ кустахъ. На севере тянулись девственные уступы могучихъ Гималайевъ; они большими террасами возвышались въ поднебесье, неприступные, безконечные, волшебные; ихъ обширныя плоскогорья, ихъ гребни и скалы, утесы, зеленые склоны, снежныя вершины, ущелья и пропасти вели вос-

⁵ Мантры – молитвы и хвалебныя песни, содержащияся въ Ведахъ.

ходящую мысль все выше и выше, пока она, какъ будто, достигала неба и молча беседовала съ богами. Ниже области снеговъ тянулись темные леса, закутанные пеленой облаковъ, прорезанные бешеными водопадами, еще ниже зеленели рощи палисандровыхъ и хвойныхъ деревьевъ, где эхо повторяло крикъ фазановъ, ревъ пантеръ, топотъ дикихъ барановъ и крики орловъ, кружащихся въ воздухе. Еще ниже разстилалась цветущая равнина, какъ роскошный молитвенный коверъ, передъ этимъ божественнымъ алтаремъ. Прямо противъ этой панорамы строители воздвигли па вершине холма роскошный дворецъ; съ каждой стороны его возвышались башни, кругомъ шла колоннада, а на столбахъ его были изсечены сказания древнихъ временъ. Тамъ виднелись Радха и Кришна и девы лесовъ, Сита, Гануманъ и Драупади, а въ среднихъ воротахъ милостиво восседалъ, склоняя на бокъ свой хоботъ, богъ Ганеша съ дискомъ и жезломъ – податель мудрости и богатства.

Извилистыя дорожки вели черезъ садъ и дворъ къ внутреннимъ воротамъ изъ бело-розоваго мрамора, притолки которыхъ были изъ ляписъ-лазули, пороги – изъ алебаstra, а резныя и расписанныя двери – изъ краснаго дерева. Чрезъ эти ворота, по великолепнымъ лестницамъ и решетчатымъ галлереямъ, очарованный путникъ проходилъ въ величественные залы и уютныя комнаты; онъ ступалъ по разрисованнымъ поламъ, среди колоннадъ, подъ сводами которыхъ били фонтаны, окаймленные лотосомъ и розами; тамъ, въ прозрачныхъ бассейнахъ, блестели красныя, голубыя и золотыя рыбы. Большеглазые газели щипали свежераспустившияся розы въ залитыхъ солнцемъ нишахъ; птицы, сверкая всеми цветами радуги, порхали по пальмамъ; зеленые и серые голуби вили гнезда на золоченыхъ карнизахъ; по блестящей мозаике пола, распустивъ хвосты, расхаживали павлины, белыя какъ молоко цапли, маленькия домашния совы; пестрые попугаи перелетали съ одного плода на другой; желтыя «солнечныя» птицы порхали съ цветка ил цветка. Робкая ящерица безъ страха бегала по решеткамъ, греясь на солнце; белка смело брала пищу прямо изъ рукъ; всюду царствовалъ миръ и спокойствие; пугливая черная змея, приносящая дому счастье, грела свои усталыя кольца среди маргаритокъ, на которыхъ резвилась выхухоль, а темноглазые обезьяны делали гримасы воронамъ.

Весь этотъ домъ, этотъ приютъ любви, былъ населенъ приветливой прислугой, всюду встречались приятныя лица, добродушная услужливость, слышались ласковыя речи; всякий былъ радъ, когда могъ обрадовать, былъ доволенъ, когда доставлялъ удо-вольствие, гордился, когда исполнялъ приказание; жизнь текла тамъ, какъ заколдованная, подобно тихому потоку, бегущему среди вечно свежихъ цветовъ, прекраснейшимъ изъ которыхъ была Ясодхара, царица этого заколдованнаго царства.

Внутри дворца, превосходя великолепиемъ все его безчисленныя палаты, скрывалась горница, въ которой искусство соединило все дивныя чары для усыпления души. Входомъ въ нея служила квадратная зала, сводомъ которой было небо; въ середине былъ бассейнъ изъ молочно-белаго мрамора, выложенный такими же плитами; края бассейна, ступени и карнизы были украшены агатомъ и все было такъ холодно, что среди лета казалось будто ступаешь на снегъ. Это место предназначалось для сладкой неги; лучи солнца осыпали его своимъ золотомъ, но, пробираясь подъ арки и въ ниши, бледнели, какъ будто самый день останавливался и превращался въ тихий любовный вечеръ передъ дверью спальни. Тамъ, за этими дверями, была очаровательно-прелестная комната, чудо всего света!

Мягкий светъ благовонныхъ лампъ проникалъ сквозь окна изъ перламутра и прозрачной ткани, усеянной звездами, и падалъ на золотыя ковры, на шелковыя подушки, на тяжелыя, великолепныя занавеси, за которыя проникала одна только красота. Здесь нельзя было различить, когда день, когда ночь, здесь всегда лился особенно мягкий светъ, более яркий, чемъ восходящее солнце, более нежный, чемъ вечерний сумракъ, вечно веялъ тихий ветерокъ, сладкий, какъ утренний воздухъ, свежий, какъ дыхание полуночи.

День и ночь тамъ пели лютни, день и ночь подавались избранныя кушанья и напитки, плоды, омоченные росой, шербетъ, замороженный въ снегахъ Гималаевъ, тонкия сахарныя

печенья, сладкое кокосовое молоко въ белыхъ кокосовыхъ чашахъ. День и ночь тамъ прислуживали прелестныя танцовщицы, кравчия, музыкантши, нежныя чернобровыя прислужницы любви. Оне опахалами навевали сонъ на закрытые глаза царевича и, когда онъ просыпался, возвращали его къ неге шопотомъ музыки среди цветовъ, прелестью любовныхъ напевовъ, волшебными танцами, въ которыхъ звонъ колокольчиковъ сливался съ нежнымъ плесканиемъ рукъ и звукомъ серебряныхъ струнъ; благовония мускуса и чампаки, голубые пары курильницъ съ горящими пряностями успокоивали душу его, пока онъ снова засыпалъ около красавицы Ясодхары.

Такъ жилъ Сиддартха, погруженный въ забытье. И сверхъ того царь повелелъ, чтобы за стенами его дворца никогда никто не поминалъ ни о смерти, ни о старости, ни о горе, ни о страдании, ни о болезни.

Если какая-нибудь изъ обитательницъ этого царства любви начинала грустить, если облако печали туманило ея темные глаза, если ножка ея слабела въ танцахъ, безвинную преступницу немедленно удаляли изъ рая, чтобы царевичъ не успелъ почувствовать сострадания къ ея печали.

Неусыпные надзиратели казнили всякаго, кто осмеливался упомянуть о грубомъ внешнемъ мире, о мире страданий, болезней, слезъ и страха, о мире надгробныхъ рыданий и мрачнаго дыма костровъ. Сребристая нить въ косе танцовщицы или певицы считалась преступлениемъ, каждый день обрывались все увядающія розы, обрывались желтеющіе листья, удалялось отъ глазъ все неприятное.

– Если, – сказалъ царь, – онъ проведетъ молодость вдали отъ всего, что наводитъ на размышление, если онъ перестанетъ усугубляться въ мысляхъ, можетъ быть, устранится его мрачное предназначение, слишкомъ великое для человека, и я увижу, какъ онъ делается всесветнымъ царемъ, царемъ царей, главой своего века!

Вокругъ этой прелестной тюрьмы, где любовь была тюремщикомъ, а наслаждение оградой, на дальнемъ разстоянии скрыто отъ глазъ, онъ велелъ воздвигнуть толстую стену съ железными воротами, двери которыхъ съ трудомъ могла открыть сотня человекъ, при чемъ шумъ слышался за полъ-иожаны⁶. Внутри стены были вторыя ворота и за ними еще третьи.

⁶ Иожана – мера длины, соответствующая одному дню пути.

Книга третья

Въ этомъ тихомъ убежище счастья и любви жилъ господь нашъ Будда, ничего не слыша ни о печаляхъ, ни о бедности, ни о страданияхъ, ни о болезняхъ, ни о старости, ни о смерти: но какъ иногда человекъ во сне блуждаетъ по мрачнымъ морямъ и утромъ пристаеъ къ берегу утомленный, привозя съ собою странныя вещи изъ этого тяжелаго путешествия, такъ и онъ часто лежалъ подле Ясодхары, склонивъ голову на ея смуглую грудь, усыпленный ея нежными ласками, и вдругъ вскакивалъ съ крикомъ: «мой миръ! О, мой миръ! Я слышу! Я знаю! Я иду!»

— Что съ тобою, государь?! — спрашивала она, глядя на него широко-раскрытыми отъ ужаса глазами.

Въ эти минуты взоры его выражали неземное сострадание, а лицо казалось божественнымъ.

Чтобы остановить ея слезы, онъ старался снова улыбнуться и приказывалъ музыке играть.

Однажды слуги поставили тыкву съ натянутыми струнами на пороге дома, тамъ, где вѣтеръ могъ свободно перебирать струны и играть на нихъ, что хотель. Нестройно зазвучали серебряныя струны подъ напоромъ вѣтра, и все слышали только эти нестройные звуки, но царевичъ Сиддартха услышалъ музыку боговъ, и вотъ что пели они ему:

«Мы — голоса легкокрылаго вѣтра, который вздыхаетъ по покою и никогда не можетъ найти его. Знай! Каковъ вѣтеръ, такова и жизнь человеческая: вздохъ, стонъ, рыдание, буря, борьба.

«Къ чему, зачемъ мы созданы, ты не можешь знать, и не знаешь, откуда берется жизнь, к к чему она приводитъ? Мы также, какъ и ты, духи, рожденные изъ бездны пустоты! Какую радость приносить намъ наше изменчивое страдание?

«Какую радость приносить тебе твое неизменное счастье? Если бы еще любовь была вечна, можно бы найти въ ней наслаждение, но жизнь подобна вѣтру, и все въ ней лишь мимолетный звукъ на изменчивыхъ струнахъ.

«О, сынъ Майи! Мы стонемъ на этихъ струнахъ, потому-что мы блуждаемъ по земле; мы не пробуждаемъ веселья, потому-что мы видимъ слишкомъ много горя въ разныхъ странахъ, слишкомъ много глазъ въ слезахъ, слишкомъ много рукъ, молящихъ о пощаде.

«Мы и стонемъ, и смеемся надъ людьми: они не знаютъ, что та жизнь, къ которой они такъ привязаны, пустой призракъ; удержать ее такъ же невозможно, какъ остановить облако или сдержать рукой течение реки.

«Но ты, предназначенный принести людямъ спасение, — твое время близко. Печальный миръ ждетъ тебя среди своихъ страданий, слепой миръ содрогается отъ муки! Встань, сынъ Майи! Проснись! Не возвращайся въ объятія сна!

«Мы — голоса странствующаго вѣтра. Иди и ты, царевичъ, странствуй, чтобы найти покой; оставь любовь ради любви къ любящимъ, брось роскошь, прими страдание, дай избавление!

«Перебирая серебряныя струны, мы шлемъ свои вздохи тебе, еще неискусившемуся въ опыте земныхъ делъ, мы говоримъ съ тобою и, пролетая мимо, смеемся надъ теми прелестными тенями, которыми ты забавляешься!»

Въ другой разъ царевичъ сидель вечеромъ среди своихъ придворныхъ красавицъ, держа за руку прелестную Ясодхару, а одна изъ девушекъ, чтобы скоротать сумерки, рассказывала старую сказку, сопровождая слова свои музыкой, поддерживавшей ея звучный голосъ, когда онъ ослабевалъ. Она говорила о любви, о волшебномъ коне, о чудныхъ дальнихъ странахъ, въ которыхъ живутъ бледнолицыя люди, и где ночью солнце спускается въ море. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Читра своимъ прелестнымъ рассказомъ напоминаетъ мне пение вѣтра на струнахъ. Дай ей, Ясодхара, свою жемчужину въ награду! Но ты, моя жемчужина, скажи, неужели въ самомъ

деле светъ такъ великъ? Неужели есть страна, где видно, какъ солнце закатывается въ морския волны? И есть-ли тамъ сердца, подобныя нашимъ, безчисленныя, неизведанныя, несчастныя – можетъ быть, – которымъ мы могли бы оказать помощь, если бы знали о нихъ? Часто, когда дневное светило начинается съ востока свой величественный, усыпанный золотомъ, путь, – мне думается, кто же такой первый на краю света приветствовалъ появление его, кто эти дети востока? Часто, даже лежа на твоей груди, въ твоихъ объятяхъ, дорогая жена, стремился я съ тоской, при закате солнца, перенестись вместе съ нимъ на пурпурный западъ и жаждалъ взглянуть на народы, живущие въ техъ странахъ! Тамъ, наверное, есть много людей, которыхъ мы полюбили бы. Можетъ ли быть иначе? Теперь, въ этотъ часъ, я испытываю мучительное стремление, – стремление, котораго не прогнать даже и поцелуй твоихъ, сладкихъ устъ! О Читра! Ты, которая знаешь эту волшебную страну! Скажи, где добыть мне быстроногого коня твоей сказки? Я готовъ отдать мой дворецъ за одинъ день езды на немъ; я бы все ехалъ, ехалъ, пока не увидель всего необъятнаго простора земли... Нетъ, я бы лучше хотель иметь крылья молодого ястреба, наследника более обширнаго царства, чьемъ мое; я бы вознесся на вершину Гималаевъ, туда, где розовый светъ окрашиваетъ снежныя равнины, и оттуда пытливымъ взоромъ оглядель бы все вокругъ! Отчего я никогда ничего не видель, ничего не старался увидеть? Скажите мне, что находится за нашими железными воротами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.